

Общий курс

Культура. Речь. Коммуникация.

Разделы курса.

- I. Теория коммуникации.
- II. Семиотика и коммуникация.
- III. Прагматика культурной коммуникации.
- IV. Межкультурная коммуникация.

Общий годовой пропедевтический курс (для всех отделений) предполагает введение в современную теорию культурно-речевой деятельности и культурной коммуникации. Привычное деление на лингвистику и литературоведение здесь не актуально – важно, напротив, сотрудничество филологических субдисциплин на общей – на сегодня уже достаточно широкой и разработанной – методологической базе.

Курс строится из четырех блоков: два в первом семестре и два во втором: *теория коммуникации; семиотика и коммуникация; прагматика культурной коммуникации; межкультурная коммуникация*. Каждый блок состоит из семи-восьми лекций и завершается написанием творческой работы или (по выбору студентов) выполнением письменного теста по соответствующей проблематике.

Студентам в каждом случае представляется «карта» и самый общий «лексикон» соответствующей области знания. В него включаются: ключевые категории, понятия; проблемные приоритеты, представление об их происхождении и логике развития; зоны актуальных дискуссий; базовая библиография.

Представление проблемно-теоретических полей осуществляется с постоянной проекцией на конкретные аналитические задачи. В идеале каждый блок может (должен) быть развернут (на старших курсах) в отдельный курс (курсы) или рабочий семинар (семинары).

I. Д.Б. Гудков: Теория коммуникации.

Тема 1. «Традиционная» филология и теория коммуникации.

Для чего нужна филология? Изучение речевых продуктов и воссоздание языковой системы. Э. Бенвенист о двух этапах языкового семиозиса, связанных с языком и речью (единицы первичного и вторичного означивания) [см. тж. о двойном процессе означивания: С.Н. Зенкин, раздел II. 4 настоящего курса]. Значение и смысл. Смысловое развертывание и коммуникативные практики. Коммуникация как обмен смыслами. Конструирование окружающего мира как продукта коммуникативных практик. Субъект как продукт коммуникативных практик, идентичность субъекта как результат коммуникации. Деконструкция и дискурс-анализ как попытки выявить возможности коммуникативных практик в конструировании и изменении социальной действительности. Коммуникативные практики как «поле производства значений власти» (Л. Филлипс, М.В. Йоргенсен).

Тема 2. Коммуникация: базовые понятия.

Коммуникативная функция языка. Изучение коммуникации в зеркале филологии, психологии, социологии, культурологии и других наук. Невозможность обращения исключительно к филологическим проблемам (язык в самом себе и для самого себя) без привлечения социологических, психологических, этнографических и др. данных.

Коммуникация и информация: вопрос о взаимосвязи и взаимоотношении понятий и проблема приоритета одного из них; теоретическая и практическая значимость вопроса и социальные последствия ответа на него. Коммуникация как процесс, обеспечивающий оформление информации и ее трансляцию между индивидами. Информационные средства как продукт коммуникации, их обусловленность социокультурными факторами коммуникации, отражение ими ее социокультурной природы и организации.

Основные теоретические модели коммуникации: информационно-кодовая (линейная), инференционная, интеракционная, – их достоинства и недостатки. Схема *Р.О. Якобсона*. [см. тж. о традиционной модели коммуникации: *В.В. Красных*, раздел IV. 5 настоящего курса]. Понятия адресат, адресант, канал связи, контекст, шум, код, декодирование. Структуралистский и «романтический» подход к коммуникации. Асимметричность коммуникации. Коммуникация как символический обмен. Виды кодов. «Мягкие» и «жесткие» коды. Вербальный и невербальные коды, их соотношение. Естественный язык как базовая семиотическая система.

Основные функции коммуникации: информационная (коммуникация как обмен информацией), социальная (коммуникация как поле развития культурных навыков взаимодействия в социуме), экспрессивная (выражение и понимание чувств и эмоций), прагматическая (координация совместной деятельности, побуждение к выполнению определенных действий), рекреативная (развлечение) – и их взаимодействие. Основные виды вербального коммуникативного взаимодействия (устный / письменный, диалогический / монологический, контактный / дистантный, межличностный / публичный), их особенности и проблемы классификации. Возможные исследовательские программы в рамках каждой из классификаций.

Основные подходы к изучению коммуникации: информационный (способы и методы эффективной передачи информации), интерактивный (изучается не столько обмен информацией, сколько личности, участвующие в этом обмене), аксиологический (основывается на базовых категориях этики и эстетики – добро/зло, красиво/безобразно), нормативный (писаные и неписаные нормы коммуникации, налагаемые социумом, культурной традицией), семиотический (способы означивания, выбор означаемых и означающих, использование прямых и косвенных номинаций и т.д.), практический (оцениваются результаты коммуникативного взаимодействия, изучаются способы достижения нужного результата).

Тема 3. Коммуникация и культура.

3 А. Взаимозависимость, взаимовлияние и взаимоопределение коммуникации и культуры.

Социально-культурная обусловленность коммуникативных практик и «коммуникативность» культуры (*Ю.М. Лотман*). Коммуникация и процессы формирования и передачи культурных смыслов. Социальная группа как средоточие коммуникативных отношений. Общность кодов и внекодовых знаний участников коммуникации как основа успешного общения. Понятие картины мира, ее зависимость от языка, реализующегося в коммуникации (*Language uses us as much as we use language. G. Lakoff*). Лингвистическая относительность и культурная относительность, их влияние на коммуникативные процессы [см. тж. о гипотезе лингвистической относительности: *В.В. Красных*, раздел IV. 2 настоящего курса]. Коммуникация между индивидами и коммуникация между социумами и культурами. Межкультурная коммуникация и ее основные особенности. «Внешняя» и «внутренняя» интерференция как источник неудач в межкультурной коммуникации. Универсальное, национальное, социальное, индивидуальное в коммуникативных практиках.

3 Б. Человек в коммуникации.

Коммуникация как взаимодействие «говорящих сознаний» (*М.М. Бахтин*). Языковая личность как «многослойный и многокомпонентный набор языковых

способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков» (Ю.Н. Караулов) [см. тж. о языковой личности: В.В. Красных, раздел IV. 5 настоящего курса]. Структура языковой личности: вербально-семантический уровень (реальное владение языком), когнитивный уровень (понятия, идеи, концепты, складывающиеся в картину мира, отражающую иерархию ценностей личности), прагматический уровень (цели, мотивы, интересы, установки, интенции личности). Понятие языкового типа как инвариантной части в структуре языковой личности. Речевая личность. Языковая личность как парадигма речевых личностей. Социальный статус и ситуативный статус. Уровни восприятия языковой личности (миссия, самоопределение, убеждения, способности, поведение, окружение) и их влияние на ее коммуникативное поведение.

Тема 4. Коммуникативный акт как единица коммуникации.

Понятия коммуникативного акта и речевого акта. Коммуникативная и практическая цели речевого акта. Критерии успешности коммуникации. Коммуникативная неудача. Существующие подходы к анализу коммуникативных неудач. Возможные классификации коммуникативных неудач: явные / скрытые, широкие / узкие, глобальные / частные (Б.Ю. Городецкий), «технические» (вызваны помехами в коммуникации), «системные» (вызванные недостаточным владением системой языка или многозначностью языковых единиц), «энциклопедические» (обусловлены невладением внекодовыми знаниями), «инференционные» (обусловлены неверным выводом, неверным восстановлением импликатур), «идеологические» (обусловлены различиями в картинах мира коммуникантов).

Типология речевых актов: неконвенциональные / конвенциональные (получающие осмысление только в рамках определенного социального института), неперформативные / перформативные (высказывание тождественно определенному действию) [см. тж. о перформативном высказывании: С.Н. Зенкин, раздел II. 4, Т.Д. Венедиктова, раздел III. 4 настоящего курса], прямые / косвенные (осуществление одного речевого акта посредством другого, буквальное значение и смысл расходятся). Фатические и ритуальные речевые акты. Структура речевого акта. Понятия локуции, иллокуции, перлокуции. Значение высказывания и смысл высказывания («значение высказывания» и «значение говорящего» – Дж. Серль). Коммуникативные постулаты (Г. Грайс, О. и И. Ревзины). Основные понятия семантики речевого акта: пропозиция и виды пропозиций, референция, экспликатура, импликатура, инференция, пресуппозиция. Общее понятие дискурса [см. тж. о дискурсе: Т.Д. Венедиктова, раздел III. 1, В.В. Красных, раздел IV. 6 настоящего курса]. Дискурс и коммуникация. Виды дискурсов: существующие подходы.

Литература

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ:

- Бурдые П.* Социология социального пространства. М.-СПб., 2005. С. 64-97.
- Ван Дейк Т.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Ермакова О.Н., Земская Е.А.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
- Красных В.В.* Коммуникация в свете лингво-когнитивного подхода // Функциональные исследования. Вып. 3. М., 1997.
- Кузнецов М., Цыкунов И.* Практическая психология PR и журналистики. М., 2003. С. 8-23.
- Лотман Ю.М.* Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты // Ю.М. Лотман. Внутри мыслящих миров. М., 1996, С. 23-45.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. М., 2003, С. 33-43, 83-90, 119-137.

Пиз А. Язык телодвижений. Н.Новгород, 1992.

Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.

Серль Дж. Косвенные речевые акты // Там же.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.

Виноградов С.И. Нормативный и коммуникативно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. С. 54-83.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция в структуре языка. М., 1984.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.

Менджерская Е.О. Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997.

Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

II. С.Н. Зенкин: Семиотика и коммуникация: теория знаковых процессов.

Тема 1. Коммуникация и знаки.

Коммуникация как обмен информацией, позволяющий сократить затраты энергии, как фактор культуры, цивилизации нравов, гуманизации. Опасности коммуникации: проницаемость человеческой жизни для шпионажа и контроля, страх открывать себя.

Семиотическое понятие кода. Система кодов как парадигматических возможностей воздействия и реакции. Коммуникация без знаков и знаки без коммуникации. Примеры незнаковой коммуникации: в природе – в генетическом коде, обеспечивающем стабильность видовой идентичности и возможность эволюции; коммуникация посредством сигналов (отсутствие знака как такового – чтобы был знак, необходим смысл).

Знаковая деятельность без коммуникации в теории «уликовой парадигмы» *К. Гинзбурга* (охотник, сыщик, врач-диагност – чтение следов, улики, симптомов – мелких, случайных, бросовых знаков-признаков, которые не связаны с кодом, никем не отправлены). Влюбленный, читающий невольные знаки, подаваемые любимым человеком (*Р. Барт*), гадатель, толкующий приметы, как примеры знаковой деятельности без коммуникации. Познавательное применение знаков (не для внешней коммуникации, а для запоминания, архивирования накопленных идей). Коммуникативное происхождение знаков (возникают из обмена информацией) и их когнитивная функция (служат для познания).

Знаки индивидуального опыта (оказиональные знаки) и знаки институциональные (опора на конвенцию, включение в полную систему коммуникации). Филологическая текстология как пример деятельности, опирающейся на знаки индивидуального опыта (ошибки и расхождения в текстах, подвергаемые интерпретации подобно симптомам или уликам), но в итоге вырабатывающей институциональные знаки – каноническую версию классического текста.

Тема 2. Знак и его структурное понимание.

Классификация знаков по *Ч.С. Пирсу* (индексы, иконические знаки, символы). Индексы и иконические знаки как «не-совсем-знаки», которые становятся знаками лишь постольку, поскольку кодифицируются в символических системах: к их «естественному» значению, объяснимому причинностью или сходством, прибавляется более или менее сложное условное значение.

Элементарное определение знака «*aliquid pro aliquo*» (работает для знаков индивидуального опыта, но не для сложных институциональных знаков). Треугольник *Фреге*. Разнородность элементов знака в таком определении: означающее и референт как материально-чувственная сторона знака, означаемое – интеллектуальная сторона. Смысл как чисто интеллектуальный объект социально-культурного происхождения. Референт как экстенциональный объем выражаемого понятия, означаемое как интенциональное содержание. Знаки-десигнаторы: объем выражаемого ими понятия определен точнее, чем его содержание (коммерческие бренды, названия политических партий и т.д.). Имя собственное как пример знака-десигнатора. Знак по *Г.Фреге* как отдельный, внесистемный знак: социально учрежденный, но несоотносимый с другими знаками.

Главные идеи общей лингвистики *Ф. де Соссюра*. Взгляд на знак как на элемент системы (кода) – необходимость различения, соотнесения знаков; учета их взаимных отношений, стандартизации. Двухчастная структура знака: означающее и означаемое как абстрактные ментальные образы, не полностью воспроизводящие объект, упрощающие его до отдельных признаков. Независимость знака от референта. Свобода творчества знаковой системы по отношению к миру (сама задает понятийную сетку, с помощью которой расчленяется и понимается реальный мир). «Нематериальность» элементов языка как поле для умственных манипуляций, для выработки правил и новых систем. Преимущество соссюровской модели знака – в возможности структурного понимания языка и других знаковых систем. Дематериализация знака после Соссюра как революция в семиотике, сделавшая ее одной из ведущих гуманитарных наук.

Новый взгляд на проблему произвольности знака в структурной семиотике (*Э. Бенвенист*): невозможность произвольного обращения с существующими знаками; их значение устанавливается правилами системы, но внутренняя структура ничем не мотивируется, кроме конвенции.

Парадигматические и синтагматические операции (селекция и комбинация) в языке и в неязыковых знаковых системах – основные операции, с помощью которых из знаков составляются сообщения. Линейное означающее в естественном языке и его отсутствие в других знаковых системах (как пример: костюм – знаковый объект, в парадигму входят, например, все головные уборы, которые не могут присутствовать одновременно в одном костюме, необходимость выбора одного из них, этот выбор часто социально и культурно значим; синтагма – сочетание элементов, сопричастующих в одном костюме, причем в данном случае синтагма не имеет линейного характера). Три структурные составляющие знаковой матрицы (на примере модной одежды) в определении *Р. Барта*: объект – целостный предмет одежды; суппорт – повышено значимая деталь этого объекта – и вариант как признак суппорта, обеспечивающий «модность» всего предмета. Отсюда точки повышенной знаковости – способ обозначения (прямого или косвенного) и осмысления объектов неоднородного знакового мира. Точечные знаки как показатель тотальной значимости мира, пример экономии энергии и абстракции знаковой системы.

Тема 3. Вторичные процессы смыслообразования.

Взгляд на коннотацию как на важнейший процесс, обеспечивающий «конкуренцию» и взаимодействие разнородных и даже несовместимых семиотических систем (кодов) в знаковой деятельности человека.

Определение коннотации у *Дж. Стюарта Милля* (используется у *У. Эко*), основанное на трехчастном понимании знака (знак-объект, референт и означаемое): денотация – экстенциональное значение знака, коннотация – его интенциональное значение. Определение коннотации как качества выразительности (*О.С. Ахманова*).

Определение коннотации на основе двухчастного понимания знака как одного из двух вторичных процессов смыслообразования, связанных с взаимоналожением плана выражения и плана содержания (*Л. Ельмслев-Р. Барт*): первичный знак становится либо содержанием для вторичного знака (метаязык), либо его выражением (коннотация). Понятие метаязыка как знаковой системы, планом содержания которой служит другая знаковая система (любая наука о знаковых явлениях: лингвистика, литературоведение, интеллектуальная история и т.д. – пример метаязыка). Виды метаязыковых процессов: комментарий, интерпретация, структурный анализ. Метаязык и перевод [см. тж. о переводе: *В.В. Красных, раздел IV. 4 настоящего курса*]. Понятие коннотации как знаковой системы, для которой другая знаковая система служит предметом выражения (ср.: «Это невозможно» и «Это не представляется возможным»: денотативное значение двух фраз одинаково, но вторая фраза обладает дополнительной коннотацией, указывающей на то, что сообщение исходит от бюрократической власти) [см. тж. о коннотации: *В.В. Красных, раздел IV. 2 настоящего курса*].

Связь коннотации с логико-философским понятием экземплификации (*Н. Гудмен*). Экземплифицирующие функции знака – смысловые (слово как «единица русского языка», «пример молодежного сленга» и др.) и несмысловые (слово как «пример короткого слова», «пример знака-символа» и т.д.). Экземплификация как потенциальная коннотация. Коннотация и полисемия. Немотивированность знака, отсутствие закономерной связи между означающим и означаемым (коннотация) / относительно закономерная выводимость одного значения слова из другого путем метонимических или метафорических подстановок (полисемия). Приписывание культурой старым объектам и знакам новых значений как следствие свободных процессов коннотации. Творчество в поэзии, ложь и манипуляции в идеологии.

Денотация и коннотация в иконических знаках. Коннотаторы как элементы денотативного сообщения, становящиеся носителями сообщения коннотативного. Риторика визуального образа: на первичном уровне – непрерывная визуальная синтагма с плотно прилегающими друг к другу элементами; на вторичном уровне – дискретная система, элементы которой оторваны друг от друга. «Система коннотативного сообщения «натурализуется» [...] с помощью синтагмы денотативного сообщения» (*Р. Барт*). Трансмедийные преобразования как коммуникативная и творческая деятельность.

Роль коннотации в формировании социальных представлений. Актуальность и социальная действенность коннотативных значений в установлении отношений власти. Идеология как недоказуемая и закономерно ложная система представлений, обусловленная социальными интересами какой-либо группы (*К. Маркс*), ее опора на коннотативные процессы. Семиотика как искусство демистификации, разоблачения неявных смыслов, навязываемых обществом, искусство критики идеологии) [см. тж. об идеологии: *Т.Д. Венедиктова, раздел III. 2 настоящего курса*].

4. Специфика естественного языка и литературы.

Специфика естественного языка по сравнению с другими знаковыми системами. Естественный язык: материальный носитель отчетливо внеположен значению, поскольку варьируется (устная речь, письменность, разные системы записи – рукописное письмо, печатный текст и т.д.), вынесен за скобки знакового процесса, несуществен для образования смысла. Отсюда возможность мыслить языковой знак по *Соссюру* – как сочетание чисто ментальных объектов. Высокая степень избыточности естественного языка, защищающая его от случайных ошибок и позволяющая его использование вне практических целей, для создания эстетических эффектов речи (варьирование в нем стилей, игра нюансами и фигурами речи как следствие богатой синонимии и омонимии, а отсюда – возможность вводить в речь шутки, остроты, каламбуры и др.). Другие знаковые системы (например, живопись): код неотъемлем от своего материального носителя, что связано с автографическим характером произведения.

Двухуровневое построение (двойное членение) речи: уровень смысловых единиц (морфемы, слова, синтаксические конструкции) и уровень смылоразличительных единиц (фонемы, звуки, буквы). Возможность варьирования смылоразличительных единиц в рамках одной смысловой (произношение слова с акцентом, диалектными или иными вариантами, замена одних звуков или фонем другими без изменения денотативного смысла и т. п.).

Двойное членение и двойной процесс означивания (*Э. Бенвенист*) [см. тж. о двух этапах языкового семиозиса: Д.Б. Гудков, раздел I. 1 настоящего курса]. Два способа означивания, создания и восприятия смысла в естественном языке – семиотический (в его основе опознание – идентификация заранее известных, образующих закрытый набор элементов) и семантический (в основе понимание – операция с новым уникальным объектом, который подлежит анализу и синтезу). Семиотическое означивание как опознание отдельных знаков и дифференциальных единиц и семантическое означивание как понимание целостных высказываний. Шифтеры как механизм, связывающий смысл высказывания с актом высказывания (например: «ты», «сейчас», «иди сюда», смысл которых прямо отсылает к актуальному моменту высказывания). Двойное означивание и цитирование, моделирование в языке чужого голоса. Перформативное высказывание в речи (характеризуется не истинностью, а эффективностью) и «симулированные» речевые акты в литературе [см. тж. о перформативном высказывании: Д.Б. Гудков, раздел I. 4, Т.Д. Венедиктова, раздел III. 4 настоящего курса].

Взгляд на язык как на привилегированную знаковую систему, от которой производны все неязыковые семиотические системы. Семиотика в концепциях *Барта* (часть лингвистики) и *Соссюра* (наука, охватывающая лингвистику).

Возможности эстетического, художественного использования языка: особое соотношение сообщения и кода. Функции высказывания, соответствующие его шести составным частям: адресанту (экспрессивная функция), адресату (конативная), контакту (фатическая), коду (метаязыковая), контексту (референциальная), сообщению (поэтическая). (*Р.О. Якобсон*, «Лингвистика и поэтика»). Направленность поэтической функции на форму сообщения, а не на его содержание.

Два взаимодополнительных способа коммуникации в культуре (*Ю.М. Лотман*, «О двух моделях коммуникации в системе культуры»): внешняя коммуникация (передача своего сообщения другому лицу) и автокоммуникация – передача своего сообщения самому себе (дневник, тверждение молитв, заклинаний, стихов, пение заученных песен, перечитывание уже известных текстов и т. д.). Информационная сложность и насыщенность автокоммуникации в поэтической речи: повторы одних и тех же текстов (при внешней коммуникации подобные повторы считаются недостатком, «шумом»); усложнение кода; наращивание смысла за счет знания о коде; новые смысловые ассоциации, не совпадающие с предыдущим чтением; повышение способности языка создавать новые смыслы.

Два типа культур: ориентация одних на торопливое одноразовое чтение бросовых текстов (массовая культура), других на перечитывание (переписывание, комментирование) одних и тех же текстов – классических, священных. Возможность сопричастия данных механизмов в одной культуре как экстенсивного и интенсивного способов накопления знаний [см. тж. о массовой / «серьезной» литературе: Т.Д. Венедиктова, раздел III. 7 настоящего курса]. Роль поэтической функции в создании семиотической модели художественной литературы.

Тема 5. Интертекстуальность и пределы семиотики.

Ю.М. Лотман: необходимость наличия в жизнеспособной культуре не менее двух разных кодов, только так возможны принципиально новые сообщения, а не просто комбинации из замкнутого набора элементов.

Многокодовая структура повествовательного текста. Стандартные коды текста по *Р. Барту*: код действия, код характеров, код загадки, код культуры, символический код.

Код и социальные субкоды (как пример: код характеров – грубые маски, как в античном театре – психологические выкладки в прозе XIX века, «диалектика души», описание сложных нюансов, переливов чувств).

Соотношение между кодами как проявление многоязычия текста. Интертекстуальные отношения. Прием «геральдической конструкции» (*mise en abîme*): включение целиком одного сообщения в другое (как примеры: герой романа сам пишет роман (*А. Жид*), в пространство изображения включаются другие изображения или процесс их изготовления – картина с художником, рисующим картину; сцены киносъепок в кинофильме). Текст в тексте: повышение меры условности (*Ю.М. Лотман*, «Текст в тексте»). Первичный («заемный») и вторичный тексты: опознавание и понимание.

Границы интертекстуальности. Открытый семиозис: каждый элемент текста в интертекстуальной ситуации; «растворение» референта текста; игра означающих, отражающихся друг в друге; утрата однозначности структуры, варьирование структур одной в другой при новых прочтениях, зависимость их толкования от произвола читателя. Открытый семиозис как безграничность знаковых возможностей литературы и культуры.

Семиозис и мимесис (дистантные и произвольные знаковые отношения / близкие и основанные на сходстве отношения миметические). Мимесис как подражательная деятельность, не опосредованная знаками, аналогическое соответствие между предметами или поступками. Возможности замены семиозиса мимесисом в знаковой деятельности (отражение в зеркале, актерская игра, фотография). Искусственный «эффект реальности» (*Барт*) в литературе: мимесис как иллюзия – «чисто материальная» вещь в одном ряду с вещами знаковыми становится тоже значащей, ее коннотативным смыслом становится «реальность» как понятие. Предел семиотичности – присутствие человеческого тела, задающего прямое телесное подражание (например: движение текста развивается как телесный или речевой жест – «Шинель» *Н.В. Гоголя* и статья о ней *Б.М. Эйхенбаума*).

Литература

Р. Барт. Основы семиологии. // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000 (также в сб.: Структурализм: «за» и «против». М., 1975).

Р. Барт. Риторика образа. // Избранные работы: Семиотика, поэтика. М., 1989, 1994.

Э. Бенвенист. Общая лингвистика. М., 1974, особенно главы III, V, VI, VII.

К. Гинзбург. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни. // К. Гинзбург. Мифы – эмблемы – приметы. М., 2004.

Ю. Кристева. К семиологии параграмм. // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000.

Ю. Лотман. Избранные статьи, т. 1. Таллин, 1992, особенно статьи «О двух моделях коммуникации в системе культуры», «Текст и полиглотизм культуры», «Текст в тексте» (есть ряд других публикаций этих статей).

Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики (любое издание), особенно Введение – главы I, § 3 и II, Часть первая – глава I.

У. Эко. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. М., 1998, особенно разделы А и Д.

Р. Якобсон. Лингвистика и поэтика. // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

III. Т.Д. Венедиктова: Прагматика культурной коммуникации.

Тема 1. Реальность как дискурсивный конструкт.

1960-е годы: «парадигмальный сдвиг» в гуманитарном знании, связанный внутренне с преобразованием общества и культуры. Проблематизация процессов, явлений, беспроblemных с точки зрения «нормальной науки» (*Т. Кун*).

Деятельность и преобразующее социальное действие как ключевые понятия. Формирование **конструкционистской парадигмы** в полемике с «эссенциализмом» и «примордиализмом». Представления об «истине» и «реальности» как продуктах социальной интеракции и исторически складывающегося консенсуса. В зоне пристального внимания – «социальное априори» (*Г. Зиммель*), «историческое априори» (*М. Фуко*) – доопытный, предпосылочный, устойчивый, но и открытый изменениям корпус представлений. Он воплощен в «обобществленных» структурах речи и слабо осознаваем на уровне «здорового смысла», способен служить человеку-деятелю и опорой, и клеткой. Отсюда необходимость изучения познавательных, речевых и социальных практик во взаимообусловленном единстве.

Репрезентация: внутренне сложный, драматический, творческий акт. Модель репрезентации: ось означивания и ось коммуникации, на пересечении которых возникает потенциально конфликтное единство социальной конвенции и перформативного речевого действия (*С. Холл*).

Дискурс: система репрезентации, последовательно понятая как практика, реализуемая в социокультурном, историческом контексте и с ним неразделимая. Понятия эпистемы, дискурсной формации и дискурсной практики, вводимые *М. Фуко* (1926 – 1984). «Слова и вещи» (1966); «Археология знания» (1969). «Археологический», «генеалогический» модус гуманитарного исследования: специфические требования к аналитической работе и возможности, при этом открывающиеся [см. тж. о дискурсе: *Д.Б. Гудков, раздел I. 4, В.В. Красных, раздел IV. 6 настоящего курса*].

Развитие теории дискурса и дискурсных исследований в 1970-90-х годах – контактность и активное обновление дисциплинарных парадигм в гуманитарной сфере. Границы социальных, дискурсивных и текстовых практик как «привилегированные» зоны анализа (схема *Н. Фэркло*). Понятие социального института как места трансляции, воспроизводства, стабилизации дискурса. Актуальность стратегий дискурсного анализа в современной социальной и культурной среде, пронизанной процессами обмена, медиализации и виртуализации.

Тема 2. Дискурсные практики власти.

Власть как символическая, семиотическая практика – способ организации социальных отношений и социального действия. Репрессивная и «разрешающая», направляющая сила власти. *М. Фуко* о насущности изучения дисциплинарных микропрактик, способов их интериоризации индивидом. «Паноптикон» *И. Бентама*: всевидящее око, всеслышащее ухо как модель отправления власти.

Режим истины как режим власти. Идеология как система представлений, управляющая социальным бытием, – тем лучше, чем меньше она осознается [см. тж. об идеологии: *С.Н. Зенкин, раздел II. 3 настоящего курса*]. Понятие «гегемония» по *А. Грамши*, его родственность «истинам», производимым в режиме здравого смысла, и концепту социального мифа (*Р. Барт*). *Л. Альтюссер* о механизме интерпелляции. Институциональная власть и сила повтора: по ходу многократно воспроизводимых социально-коммуникативных действий значения обретают устойчивость и становятся неотличимы от «мира-действительности».

Возможности критического отношения к идеологии и монопольному диктату власти. Дискурс по *Ю. Хабермасу*. между утопией и конкретными практиками преобразования общества.

Тема 3. Идентичность как дискурсный конструкт.

Модель субъекта как стабильной, автономной, целостной личности-«сущности» и ее проблематизация - децентрация, расщепление - в постмодерне. Субъект как суверен и подданный, становящийся и меняющийся (меняющий себя) во взаимодействии с системой социальных отношений. *М. Пеше* о связи языка, идеологии и субъекта в дискурсе. Основа единства дискурсной формации – субъектная позиция, из которой производится и которую (вос)производит дискурс.

Идентичность: переживание соответствия себе и принадлежности к сообществу. Виды идентичности: индивидуальная и групповая (национальная, этническая, гендерная, профессиональная и т.д.) Характер идентичности: различительный (через соотнесение с Другим), мозаичный, процессуальный, перформативный.

Идентификация как процесс принуждения и выбора, потенциально творческого маневра. *Дж. Батлер* о дискурсном конструировании современных идентичностей (self-fashioning). Различие между традиционной (статусной) идентичностью и идентификацией через желание, волеизъявление. Проблема «обобщественности», подражательности индивидуального желания. Тексты желания и механизм современной рекламы. Конструирование виртуальных идентичностей, их «сетевая» жизнь и использование в медиа.

Тема 4. Литература как социальный институт и вид дискурса.

Споры вокруг определения «сущности» литературы: хорошо написанные тексты? вымышленные тексты? отличающиеся особым («непереходным», на себя направленным) словоупотреблением? Альтернативная постановка вопроса: *когда* и *как* текст «становится» литературой, начинает восприниматься и функционировать в качестве таковой? каковы социально-культурные, антропологические функции литературы?

Литература как институт современной культуры: его становление, особенности и нынешнее состояние. Сложная опосредованность отношений писателей и читателей, конвенции их коммуникативного поведения, сложившиеся и меняющиеся.

Литература как дискурс, произведение как развернутое перформативное высказывание, не так отсылающее к реальности-референту, как создающее реальность условную, пластичную, открытую интерпретации [см. тж. о перформативном высказывании: *Д.Б. Гудков*, раздел I.4, *С.Н. Зенкин*, раздел II.4 настоящего курса]. Литература как специфический опыт - «медиум» воображения, экспериментальная площадка, где «репетируются» и рефлексированы актуальные дискурсивные практики.

От «литературоцентризма» культуры – к актуальному процессу ее «текстуализации» и «панэстетизации». Необходимость, но и рискованность распространения литературных методов анализа на изучение широкого спектра культурных и социальных явлений и процессов.

Тема 5. Социокультурное измерение письма. Автор и функции авторства.

«Граμμαцентризм» европейской культуры. Письмо как технология и мифология современного общества, связь с природой субъективности, социального опосредования, отчуждения и власти. Критика *Ж. Деррида* «логоцентристской» иллюзии и проблематизация письма как продуктивной нетождественности означающего и означаемого, неотлучимой от знаковой репрезентации как таковой.

Идеологичность и историчность категорий автора и авторства, возможность и необходимость их дискурсного анализа. *Р. Барт*, *Смерть автора* (1968). *М. Фуко*, *Что такое автор?* (1969).

Проблематизация и размывание категории индивидуального авторства в применении к современному «медийному» тексту. Сдвиг теоретического интереса от (авторского) производства к читательскому восприятию/потреблению.

Тема 6. Социокультурное измерение чтения. Изучение читателя.

История чтения как культурной практики. «Революция молчания» в античности и Средневековье (от чтения вслух к чтению про себя), приватизация читательского опыта. Дальнейшее расширение доступа к тексту, «читательская революция» XVIII века. Озабоченность «библиоманией» и норма чтения, насаждаемая школой. Проблематика «вторичной неграмотности» и «массового» чтения в век медиа.

Чтение как социально обусловленная и социализирующая деятельность. Социология, психология, «политика» акта чтения – сочетание в нем дисциплины и вольности (*М. де Серто*), когнитивных и эстетических аспектов. Чтение-удовольствие (по

Р. Барту): гиперопределенность, вариативность, «терапевтический» эффект и желание повтора. Чтение-наслаждение как воззвание к пересозданию смысла.

У. Эко о «пористой» природе художественного текста и творческой активности читательского выбора. *В. Изер*: понятия «виртуального текста» и «имплицитного читателя», смысловая неопределенность как ценность. «Аффективная стилистика» *Ст. Фиша* как версия неопрагматистской эстетики. Движение гуманитарной мысли от рецептивной эстетики к литературной антропологии.

Тема 7. Культурная ценность как дискурсный конструкт. Филология как дискурсное поле.

Ценность как предмет производства в культуре. Оценивающие дискурсы. Современная проблематизация привилегий эстетического на примере литературы. Дискуссия вокруг классики и канона. Популярная и массовая («низкая», малоценная) словесность как альтернативный («серьезной литературе») предмет исследовательского внимания [см. т.ж. о двух типах культур: *С.Н. Зенкин*, раздел II.4 настоящего курса]. Практики чтения и письма – предмет теоретической рефлексии и переосмысления в контексте «медиализации» культуры.

Филология как дисциплина и профессия: сохраняемые традиции и актуальное переустройство, поиск новых форм участия в культурном диалоге. Продуктивные опыты в направлении «металингвистики», «транслитературоведения», иных видов междисциплинарного взаимодействия.

Литература

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ :

- Барт Р.* Смерть автора. От произведения к тексту. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // *Р. Барт*. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Барт Р.* S/Z. М., 1994.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
- Дарнтон Р.* Читатели Руссо откликаются: сотворение романтической чувствительности. // Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М., 2002.
- Деррида Ж.* О грамматологии. СПб., 1999.
- Дубин Б.* Слово-письмо-литература. М., 2001.
- Йоргенсен М.В., Филипс Л.Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2004.
- Каллер Дж.* Теория литературы. Краткое введение М., 2006.
- Компаньон А.* Демон теории. М., 2004.
- Маклюэн М.* Письменное слово, Печатное слово // Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2007.
- Остин Дж.* Как производить действия при помощи слов, Смысл и сенсibiliи // Избранное. М., 1999.
- Пеше М.* Прописные истины (III. Дискурс и идеология) // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 2002
- Серто М.* Хозяйство письма // Новое литературное обозрение. 1997. № 28.
- Смит Б.* Произвольность ценности // Ценности, каноны, цены. М., 2005.
- Фуко М.* Археология знания. СПб, 2004.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
- Фуко М.* Слова и вещи. М., 1966.
- Фуко М.* Что такое автор? // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
- Шартье Р.* Репрезентации письменного текста. Автор в системе книгопечатания, Читательские сообщества, «Народное» чтение // Письменная культура и общество. М., 2006.

Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература, 1998, №12. <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/12/iamp.html>

Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995, №12.

Hall S. The Work of Representation. In Representation: Cultural Representations and Signifying Practices, Hall S., ed., 1997, p.13–74.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

Барт. Р. Мифологии. М., 1996.

Бахтин М.М. Автор и герой художественного произведения // Эстетика словесного творчества. М., 1985.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Там же.

Беньямин В. Искусство в эпоху технической воспроизводимости. М., 1992.

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2004.

Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001.

Венедиктова Т. Разговор по-американски. Дискурс торго в литературной традиции США. М., 2003.

Винникот Д. Игра и реальность. М., 2002.

Гириц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб., 1997.

Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. М., 1994.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Дейк Т.А. ван. Расизм и язык. М., 1989.

Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000.

Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике. Тт. 1 - 2. М., 1998.

Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М. 1999.

Изер В. Историко-функциональная текстовая модель литературы // Вестник Моск. Ун-та. Сер. Филология. 1997, №3.

Изер В. Акты вымысла, или что фиктивно в фикциональном тексте // Немецкое философское литературоведение наших дней. СПб., 2001.

Кассен Б. Эффект софистики. М., 2000.

Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М. 2002.

Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. М., 2004.

Косиков Г.К. Вступительная статья // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму М., 2000.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. М., 1997.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.-СПб., 1998.

Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Киев. 2002.

Мукаржовский Я. Эстетическая функция. Норма и ценность как социальный факт // Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994.

Остин Д. Истина. Избранное. М., 1999.

Остин Дж. Как пролить чернила М., 2006.

Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006.

Сартр Ж.-П. Что значит писать // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987.

Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.

Философия языка. Екатеринбург, 2004

- Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
- Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М., 2000.
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
- Эко У. Отсутствующая структура. М., 1999.
- Эко У. Два типа интерпретации // Новое литературное обозрение. 1996. № 21.
- Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

IV. В.В. Красных: Межкультурная коммуникация.

Тема 1. Культура как дискурсивный конструкт.

Существующая необходимость изучения «совмещенной» реальности, где вербальные феномены существуют в невербальном мире как его часть, а невербальный мир отражается в зеркале вербальности. Соотношение вербального и невербального в современной медийной среде, окружающей человека. Общие глобальные тенденции к визуализации воспринимаемой информации. Медиализация бытия. Стирание граней и размывание культурных различий в подаче информации, с одной стороны, и обязательное наличие культурного компонента – с другой.

Глобализация как порождающий фактор двух взаимоисключающих тенденций: с одной стороны, формирование «общечеловеческого» языка и «общечеловеческого» культурного контекста и, следовательно, усредненного *homo sapiens* вне конкретной культурно-языковой принадлежности и, с другой стороны, стремление к сохранению собственного языка и культуры и к росту национально-культурного самосознания. Проблематизация «национального» в современных условиях как факт бытия и новый объект исследований. Актуальность изучения «национального» в свете современных дискурсивных исследований.

Национальный комплекс как национальный миф. «Источники» и «проводники» национального мифа: наука, власть, идеология, медиа. Культура как дискурсивное образование и как результат взаимодействия разнонаправленных процессов: межпоколенной трансляции культурных традиций и предпочтений, социального навязывания в качестве обязательных оценок и представлений, идеологического принуждения к принятию и соответствию моделям (в том числе и поведенческим), санкционированным обществом и рассматриваемым в качестве образцовых. Культура как «ненаследственная память коллектива, выражающаяся в определенной системе запретов и предписаний» (Московско-тартуская семиотическая школа – Б.А. Успенский, Ю.М. Лотман). Культура как «паутина смыслов», которую человек сам себе сплел (М. Вебер, К. Гирц). Культура – не набор, а система определенным образом взаимосвязанных элементов (Т.Г. Стефаненко).

Возможные пути изучения и описания культуры. Абсолютистский (все культуры одинаковые, но неравные – С. Портеус и др.), релятивистский (все культуры равные, но разные – Л. Леви-Брюль, Ф. Боас, Б. Уорф, М. Херсковиц, Р. Бенедикт), универсалистский (все культуры равные, внешне разные, но в основе своей одинаковые – К. Леви-Строс, Дж.У. Бери, М. Коул и др.) подходы. Филологическое понимание культуры – миропонимание, мироосознание и мироощущение народа (В.Н. Телия). Культура как текст; имеет коммуникационную и символическую природу (Ю.М. Лотман).

МКК как вид коммуникации, партнерами в которой являются носители разных языков, представители разных культур. Тенденции к нивелированию национально-культурных особенностей коммуникации, с одной стороны, и, с другой – установка на сохранение и подчеркивание национальных традиций, в том числе – коммуникативного поведения, во многом обусловливаемого языковой спецификой.

Тема 2. Язык, культура, лингвокультура как семиотические системы.

Соотношение культуры и языка: взгляды В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Й.Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б.Л. Уорфа. Каждый язык определяет и выражает своеобразие «духа» говорящего на нем народа и, следовательно, несводим ни к какому другому языку, как и своеобразие «духа» одного народа несводимо к своеобразию «духа» другого народа (*Гумбольдт*). Нивелировка языков и культур и движение человечества в сторону единого общечеловеческого языка освобождали бы человека от давления внешней природы и слагали бы с него основы народности (*Потебня*). Язык «есть то, как думают», культура же есть «то, что данное общество делает и думает» (*Сепир*). «Мы расчленим мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного языкового коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка» (*Уорф*).

Гипотеза лингвистической относительности: люди, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, по-разному воспринимают мир, поскольку язык обуславливает тип мышления его носителей, способ познания окружающего мира зависит от языка, на котором осуществляется мышление. Ее сильная (концепция лингвистического детерминизма – мышление напрямую зависит от языка) и слабая (языки различаются не столько тем, что с их помощью можно выразить, сколько тем, что с их помощью выразить легче) версии, аргументы «за» и «против» [[см. тж. о гипотезе лингвистической относительности: Д.Б. Гудков, раздел I. 3 А настоящего курса](#)].

Язык и культура как семиотические системы, каждая из которых обладает своим собственным «языком» (системой взаимосвязанных и взаимообусловленных знаков). Понятие лингвокультуры как культуры оязыковленной, т. е. овнешненной и закрепленной в знаках языка. Лингвокультура как третья семиотическая система, в которой знаки языка выступают как тела знаков языка культуры (*В.Н. Телия*), тем самым обретая дополнительные, культураносные смыслы и вступая в иные отношения друг с другом (ср.: *темный человек и темная личность, темный человек и светлый человек, черное пятно и белое пятно; вол, лошадь, шаяк, пчела, Золушка, папа Карло* и т. п.).

Понятие культурной коннотации как соотнесения смыслов, стоящих за знаком, с образной мотивацией, лежащей в основе его выбора, сквозь призму системы оценок и ценностных установок культуры [[см. тж. о коннотации: С.Н. Зенкин, раздел II. 3 настоящего курса](#)]. Культурно-языковая компетенция как способность распознавания и адекватного прочтения культурной коннотации.

Понятие кода культуры как формирующей определенный фрагмент картины мира совокупности представлений человека о наделенных культурными смыслами реалиях, относящихся к одному типу феноменов и/или сфере бытия. При этом имена таких реалий несут в дополнение к основным свойствам именуемых феноменов функционально значимые для культуры смыслы (*В.Н. Телия*), что позволяет рассматривать данные языковые / дискурсные единицы как тела знаков языка культуры, т. е. придает этим именам роль знаков лингвокультуры.

Феномен воспроизводимости как центральная проблема филологического изучения культуры и лингвокультуры. Воспроизводиться могут не только устойчивые языковые или дискурсные единицы (т. е. те единицы, которые, как правило, имеют свои собственные «тела знаков» – фразеологизмы, некоторые прецедентные феномены и под.), но и свободные, «знаково нефиксированные» апелляции к фиксированным в сознании образно-смысловым структурам (к таковым можно отнести некоторые дискурсные единицы – прецедентные феномены и стереотипы, не имеющие «фиксированного имени», а также феномены несколько иной природы, например, эталоны и символы).

Тема 3. Система координат лингвокультуры.

3 А. Когнитивный базовый уровень лингвокультуры. Система ментефактов.

Система координат лингвокультуры как «зоны внимания» при МКК и межсемиотическом переводе. Базовые уровни и их единицы: когнитивный – ментефакты,

метафорический – базовые метафоры, эталонный – «ниши» эталонов, символичный – символы культуры.

Ментефакты как единицы содержания сознания. Система ментефактов: знания, понятия, концепты, представления. Онтогенетические, онтологические, аксиологические различия. 1) Знания vs. понятия различаются онтологически по критерию наличие / отсутствие генерализации. Знания суть система информационных единиц, в то время как понятия есть результат осмысления, категоризации, обобщения и под. 2) Понятия vs. концепты сближаются онтогенетически на рационально-логическом уровне, поскольку они суть результат осмысления, категоризации, генерализации и т. п. Вместе с тем, по *Н.Д. Арутюновой*, концепт есть понятие, погруженное в культуру. Соответственно, понятия и концепты обладают принципиально различной аксиологией: понятия не содержат никаких оценок, а концепты, напротив, всегда оценочны и, как правило, связаны с ценностями культуры. 3) Концепты vs. представления сближаются аксиологически (они оценочны), но различаются онтологически, поскольку концепты лишены ингерентно присущей им образности, в то время как представления образны по природе своей. 4) Знания vs. представления представляют полюсы линейно развернутого первого ранга разбиения системы ментефактов. Они различаются и онтогенетически, и онтологически, и аксиологически.

Система знаний. Знания vs. информация. Знания «универсальные» vs. знания культурно-маркированные. Национально-культурная маркированность корпуса и конфигурации знаний. Система представлений: прецедентные феномены, духи (персонажи низшей мифологии), артефакты вторичного / виртуального мира, стереотипы. Определение, природа, функции в культуре. Система прецедентных феноменов: прецедентная ситуация, прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание. Система стереотипов: стереотипы поведения vs. стереотипы-представления. Их различия и функции (прескриптивная и предиктивная). Стереотип-образ и стереотип-ситуация.

3 Б. Метафорический, эталонный, символичный уровни лингвокультуры и их единицы.

Базовые, т. е. имеющие архетипическую природу и основанные на архетипических представлениях, метафоры. Архетипические представления – древнейшие, надличностные, коллективно-родовые представления, лежащие в основе окультуривания человеком окружающего мира, моделирования космоса из хаоса (по *В.Н. Телия*). Основанием базовой метафоры выступает максимально абстрагированная «идея» феномена, которая может не осознаваться представителями лингвокультуры.

Эталон есть «мера», «мерило», в соответствии с которой / с которым оцениваются те или иные феномены. Для культуры важно различать «содержательный смысл» эталона – нишу эталона, с одной стороны, и ее «заполнение», овнешнение в знаке – с другой. Типы отношений между эталонной нишей и знаком-эталонном: 1) 1 ниша ↔ 1 знак; 2) 1 ниша ↔ набор знаков – определенных переменных (возможна нюансировка значения); 3) 1 ниша ↔ отсутствие фиксированного набора знаков-переменных.

Символ есть единица культуры, некий культурный предмет, основной функцией которого является формальное (т. е. по форме) замещение без серьезного смыслового сдвига. В лингвокультуре символом является некий оязыковленный культурный квазипредмет, выполняющий аналогичную функцию. Имеется в виду следующее: феномен (*A*) замещается феноменом (*B*), более простым по форме и природе, принадлежащим миру Действительное и воспринимаемым по одному из пяти каналов; при этом сохраняется совокупность всех смыслов, оценок и коннотаций (*A*) с возможным добавлением некоторых смыслов и коннотаций (*B*), которое не ведет к принципиальному изменению местоположения (*A*) в культуре, что позволяет (*B*) осознаваться и функционировать как (*A*). «Имена» сжатых сюжетов как символы лингвокультуры.

Тема 4. МКК как межкодовый перевод.

МКК как межкодовый перевод. Взгляды Ф.Д. Шлейермахера, Р.О. Якобсона. Не только диалекты одного и того же языка и его различные исторические стадии представляют собой в строгом смысле слова разные языки и, следовательно, могут требовать перевода, но даже и современники, принадлежащие к различным общественным классам одного и того же народа, часто столь отличаются друг от друга, что взаимопонимание между ними достигается лишь благодаря чьему-либо посредничеству. Более того, даже разговор с равным собеседником, если последний придерживается иного образа мыслей, не может обойтись без своеобразного перевода. Аналогично обстоит дело с толкованием того или иного труда, идеи и т. д. (*Шлейермахер*).

Классическая классификация разновидностей перевода (по *Якобсону*): 1) внутриязыковой перевод (переименование), при котором вербальные знаки интерпретируются с помощью других знаков того же языка; 2) межъязыковой перевод (собственно перевод), представляющий собой интерпретацию вербальных знаков посредством знаков какого-нибудь другого языка; 3) межсемиотический перевод, или трансмутация, при котором интерпретация вербальных знаков осуществляется с помощью невербальных знаковых систем.

Разнообразные взгляды на проблемы перевода и переводимости (Р. Бэкон, Данте, Ж. дю Белле, Ш. Перро, Ж.Б. Дюбо, А.В. Шлегель, Ю. Келлер, Х. Ортега-и-Гассет), «теория непереводаемости» в свете взглядов В. фон Гумбольдта и А.А. Потебни. Учет взаимоотношений языка и культуры при межсемиотическом переводе (Ж. Мунен, Ю. Найда, В.А. Жуковский, Н.И. Гнедич).

Перевод как деятельность, направленная на трансформацию знаков одной системы в знаки другой системы [*см. тж. о переводе: С.Н. Зенкин, раздел III. 3 настоящего курса*]. Перевод как межъязыковая трансформация и как «интерсемиотическая мутация». Перевод в системе «знак₁ – знак₂» (знак кода₁ → знак кода₂; означающее₁ → означающее₂). Перевод в системе «значение₁ – значение₂» (содержание знака кода₁ → содержание знака кода₂; означаемое₁ → означаемое₂). Но это возможно только в виде перевода в системе «означаемое₁ → означающее₁ → означающее₂ → означаемое₂». Перевод как овнешнение содержания знаков одной семиотической системы в знаках другой семиотической системы при сохранении тождества означаемых.

Взаимоотношение языка и культуры в истории перевода. Основные тенденции и ориентации: буквализм, позиция «*fidus interpres*» vs. «вольный» перевод (французская, немецкая, русская традиции), учет ожиданий и предпочтений читателя, социо-культурных традиций автора и читателя (Левий Андроник, Эльфрик, А.Ф. Тайтлер, Й. Брейтингер, Ф. Бласс, Ю. Найда, В.К. Третьяковский, В.А. Жуковский, А.К. Толстой, П.И. Вейнберг; ср. о том же в связи с фильмами «*Стачка*» и «*Броненосец “Потемкин”*» – С.М. Эйзенштейн).

Перевод как «одомашнивание» и как «отчуждение». Проблема «чужого» и «чуждого» в переводе. В переводе должна сохраняться определенная окраска чужого, но при этом нужно четко осознавать границы последней. Пока в переводе ощущается чужое, а не чуждое, цель перевода соблюдена. Но если чуждое (противоречащее нормам переводящего языка) начинает превалировать и даже затмевать чужое, то переводчик тем самым показывает свою неспособность справиться с оригиналом (*Гумбольдт*). «Свое» vs. «чужое» и «чуждое» в МКК.

Тема 5. Homo Loquens (Человек Говорящий) как субъект языка, культуры, коммуникации.

Человеческая коммуникация как процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи / получения / обмена информацией, т. е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности. Традиционная модель коммуникации (*Р. Якобсон*): Автор – Текст – Реципиент [*см. тж. о традиционной модели коммуникации: Д.Б. Гудков, раздел I. 2 настоящего курса*].

Современные коммуникативные модели, «полюсы» которых представлены сознанием говорящего (на «входе») и сознанием слушающего (на «выходе»).

Субъект коммуникации = субъект языка = субъект культуры. При этом субъект коммуникации, всегда выступающий одновременно и как субъект языка и как субъект культуры (*В.Н. Телия*), обладающий лингво-культурным сознанием (*Н.В. Уфимцева*), есть по определению «человек национальный», который всегда «больше», чем «просто» человек (*Н.А. Бердяев*). *Homo Loquens* как творение и творец культуры, лингвокультуры и языка. Ипостаси *Homo Loquens*: *Homo Sapiens* (человек разумный, представитель рода человеческого начала XXI века) и *Homo Litteratus* (человек культурный / национальный). Феномен языковой личности (*Ю.Н. Караулов*) [см. тж. о языковой личности: [Д.Б. Гудков, раздел I. 3 Б настоящего курса](#)].

Homo Loquens как носитель сознания. Сознание как высшая форма психики, специфически присущая человеку, формируется в обществе, в процессе социализации, т. е. в процессе «врастания ребенка в цивилизацию» (*А.Н. Леонтьев*), в культуру. Суть процесса социализации – межпоколенная трансляция культуры, основной канал – язык, что обуславливает национально-культурную и этнически культурную детерминированность сознания. Соотношение культуры, с одной стороны, и, с другой – сознания (культурозависимый феномен), мышления (культурообусловленный феномен), интеллекта (культуroneзависимый феномен).

Картина мира vs. языковая картина мира. Картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира (*В.Г. Колшанский*), результат переработки информации о среде и человеке, как сокращенное и упрощенное отображение указанной суммы представлений (*Т.В. Цивьян*). Языковая картина мира как «вторичный, идеальный мир в языковой плоти» (*В.Г. Колшанский*), предстающий «в виде глубинного слоя общей картины мира» (*В.И. Постовалова*).

Структура знаний и представлений *Homo Loquens*: индивидуальное и коллективное когнитивные пространства, когнитивная база. Когнитивная база как совокупность знаний и культурно-детерминированных и минимизированных представлений, необходимо обязательных для представителей данной культуры. Понятие культурного пространства как собственно «ментальной» сферы культуры, предстающей как культура, опосредованная сознанием ее представителей, «бытующая» в их сознании.

Тема 6. Национально-культурная специфика дискурса.

Дискурс как среднее звено триады, порождаемое в процессе коммуникации [см. тж. о дискурсе: [Т.Д. Венедиктова, раздел III. 1, Д.Б. Гудков, раздел I. 4 настоящего курса](#)]. Существующие филологические подходы (взгляды Т. ван Дейка, Н.Д. Арутюновой, Л.О. Чернейко, А.Е. Кибрика, Ю.Н. Караулова, В.В. Красных и др.).

Понятие текста. Существующие подходы (литературоведческий, лингвистический, психолингвистический). Тексты поликодовые и полимодальные. «Понимать нужно не текст, а действительность» (*Н.И. Жинкин*).

Национально-культурная специфика дискурса. Различные стратегии порождения высказывания, связанные с особенностями языка. Различные стратегии построения текста и дискурса (линейное, концентрическое, спиралевидное развертывание). Различный характер и разная степень связанности речевого действия с неречевым (феномен “speech in action”; удельный вес невербалики и ее функционирование в коммуникации представителей разных культур). Различные стереотипы поведения; проксемика (использование пространства в общении), кинесика (оптико-кинетическая система знаков). Визуальные и тактильные контакты, мимика и жесты: их обязательность / желательность / допустимость / недопустимость в различных культурах. Различное функционально-семантическое наполнение жестов в общении представителей разных культур. Допустимость / недопустимость выражения положительных и отрицательных эмоций в различных культурах. Высококонтекстные (ситуативно

обусловленное и контекстно ориентированное общение) и низкоконтекстные (ситуативно независимое и контекстно свободное общение) культуры.

Литература

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ:

- Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. М., 2004.
- Гумбольдт В. фон* Избранные труды. М., 1983.
- Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
- Потебня А.А.* Мысль и язык // Слово и миф. М., 1989.
- Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993: Язык. Введение в изучение речи. X. Язык, раса и культура (с. 185-194. XI); Язык и литература (с. 195-203); Язык и среда (с.270-284); Культура подлинная и мнимая (с. 465-493); Антропология и социология (с. 611-629).
- Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв.ред. В.Н. Телия. М., 2006. С. 776-782.
- Уорф Б.* Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) // Зарубежная лингвистика I. М., 1999. С. 92-105.
- Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Зарубежная лингвистика I. М., 1999. С. 58-91.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ:

- Белянин В.П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988.
- ван Дейк Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996: Семантические универсалии и «примитивное мышление» (с. 291-325); Концептуальные основы психологии культуры (с. 376-404).
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М., 2002.
- Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология как конститuentы новой научной парадигмы // Сфера языка и прагматика речевого общения. Международ. сб. науч. трудов. К 65-летию фак-та РГФ Кубанского гос. университета. Книга 1. Краснодар, 2002. С. 204-14.
- Коул М.* Культурно-историческая психология. Наука будущего. М., 1997: Глава 1 (с. 21-54); Глава 4 (с. 121-139).
- Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 16-21.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История. М., 1996.
- Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992.
- Макаров М.Л.* Теория дискурса. М., 2003.
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе. М., 2006.
- Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2000: Часть первая, Глава II (с. 29-43); Часть вторая, Глава I-IV (с.46-99).
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7-22.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. Часть III. Культурно-национальная специфика единиц фразеологического состава языка.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.

Хухуни Г.Т. Художественный текст как объект межкультурной и межъязыковой адаптации // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 206-214.

Чернейко Л.О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М., 2005.

Яценко И.И. Психологический тезаурус рассказа А. П. Чехова «Дама с собачкой» (к вопросу о национально-этнических стереотипах восприятия) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 66-74.